

Наталья Шелковая

ВСТРЕЧИ С В. РОЗАНОВЫМ. СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА

Автор статьи полемизирует с Розановым о сущности христианства, констатируя расхождение, вплоть до противоположности, идей Христа и учения христианской церкви. Одним из существенных расхождений учения Христа и христианской церкви является, по мнению автора, культ великомучеников в христианстве, в то время как Христос учил радоваться даже в самых тяжелых обстоятельствах жизни. Розанов также размышляет над проблемой культа великомучеников в христианской церкви, но обосновывает это личностью самого Христа и его пророчествами о скорби, с чем не согласен автор статьи, хотя признает важными идеи Розанова о силе слова пророчества, о программировании жизни человека и человечества словами, о роли пророчеств Христа в истории и о трансцендентальном характере причин страдания. В статье различаются социальный институт (церковь) и духовный учитель (Христос) и отмечается, что Розанов, обвиняя церковь в проповеди законопослушания, аскетизма, в преследовании инакомыслящих, не прав, ибо церковь как социальный институт не может действовать иначе. Христос не был аскетом, никогда не постился, видел в жизни брачный пир и благословлял радость и брак. Более того, существует гипотеза, которую автор обосновывает, о том, что Христос был женат на Марии Магдалине, о чем свидетельствуют апокрифические Евангелия и коптские тексты. Делается вывод, что миссия Христа, как духовного учителя, заключается в том, чтобы научить людей любить и радоваться, а не страдать и быть жертвой во искупление грехов людей.

Ключевые слова: Христос, христианство, радость, страдание, мировой план, брак, любовь, философия религии.

The article recounts the author's debate with Rozanov on the essence of Christianity. The author notes the differences between the ideas of Christ and those of the Christian church, to the point of being complete opposites. One of the major differences between the teachings of Christ and of the Christian church is the cult of martyrs in Christianity, while Christ taught to rejoice even in the most difficult of life's circumstances. Rozanov also ponders on the problem of the martyr cult in the Christian church, but justifies it with the figure of Christ himself and his prophecies on sorrow. The author disagrees with this, although recognizes as important Rozanov's ideas on the power of the word of prophecy, on the programming of a man's life by words, on the role of Christ's prophecies in history, and on the transcendental nature of the causes of suffering. The article differentiates between the concepts of a social institution as represented by the church and a spiritual teacher as represented by Christ, and notes that Rozanov's accusations against the Christian church of preaching obedience, asceticism, of persecution of dissenters are not justified because the church, as a social institution, cannot act differently. The author stresses the fact that Christ was not an ascetic, never fasted, joined in wedding festivities, and blessed joy and matrimony. Moreover, there is a hypothesis, which the author substantiates, that Christ was married to Mary Magdalene, testified to by apocryphal testaments and Coptic writings. It thus leads to the conclusions that the mission of Christ as a spiritual teacher was to teach men to love and rejoice, and not to suffer and become a sacrifice to atone for the sins of men.

Keywords: Christ, Christianity, joy, suffering, global plan, matrimony, love, religious philosophy.

Наверное, нет такого философа и религиоведа, который бы, осмысливая сущность христианства, не увидел разрыв, доходящий до полной несовместимости и противоречия, между учением Христа и учением христианской церкви.

Наиболее глубоко, на мой взгляд, это противоречие вскрыл Ф. Ницше. Апофеозом ницшеанской критики христианства являются, на мой взгляд, его слова: «Уже слово “христианство” есть недоразумение, в сущности, был только один христианин, и он умер на кресте. “Евангелие” *умерло* на кресте. То, что с этого мгновения называется “Евангелием”, было уже противоположностью *его* жизни: – “дурная весть”, *Dysangelium*» [1, с. 663].

Много думала над дихотомией учения Христа и учения христианской церкви и я. Особенно меня огорчал в христианстве культ великомучеников. Ни одного почитаемого великорадостника! Почему? Ведь Христос учил радоваться. В своей Нагорной проповеди – квинтэссенции христианства – он призывает: «Радуйтесь и веселитесь» (Мт. 5: 12). «Всегда радуйтесь» (1 Фес. 5: 16), – развивал этот завет ап. Павел. И были же в истории христианства великорадостники. Ну почему же, почему в церквях царит печаль, лик всех святых строг и полон скорби? Какой-то культ скорби... «С тех пор, как существуют люди, человек слишком мало радовался, – говорит Заратустра Ницше, – лишь это, братья мои, наш первородный грех! И когда мы *научимся* лучше *радоваться*, тогда мы тем лучше *разучимся* *причинять* *другим* *горе* и выдумывать его (курсив мой. – Н.Ш.)» [2, с. 62].

Выдуманное христианство. Выдуманный мир. Выдуманные страдания и неумение радоваться. Раздумывая над этими проблемами, я открываю сборник В. Розанова «Темный лик. Метафизика христианства» и встречаю там те же мысли, к которым пришла и я, те же вопросы, которые ставила я. Так произошла моя *четвертая встреча с В. Розановым*¹.

Размышляя о сущности христианства и учения Христа в статьях «Христос – Судия мира» (1903) и «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» (1907), Розанов, как и я, вопрошает: почему в христианстве так много скорби, почему не видно радости, почему почитают великомучеников? (До почитания великорадост-

¹ Данная статья является третьей статьей из цикла «Встречи с В. Розановым». Две предыдущие: «Встречи с В. Розановым. (Экзистенциальный ракурс)» и «Встречи с В. Розановым. Мысли о поле. Пол и андрогинизм».

ников, как я, он не дошел в своих размышлениях). И отвечает: потому, что *сам Христос* никогда не смеялся, не улыбался, более того, он предрек, что «будут скорби», «будут, когда отнимется у них Жених» [З, с. 544]. «Не было бы пророчества – не будет факта; а стало быть, если *было* пророчество, то факт непременно *будет, сбудется*, и – не будем впадать в антропоморфизм – он *сбудется вследствие* пророчества» [З, с. 553]. Но, во-первых, разве Розанов жил во времена Христа и был рядом с ним? Откуда у него такая уверенность в том, что Христос никогда не смеялся и не улыбался? Во-вторых, Розанов перевертывает смысл сказанного Христом, приводя неточную цитату. В Евангелиях говорится не о скорби, а о радости. «И сказал им (фарисеям. – *Н.Ш.*) Иисус: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься» (Мф. 9: 15), – читаем мы в Евангелии от Матфея. Поститься, а не скорбеть. Это разные вещи. Но это потом. А пока: радуйтесь и веселитесь! Не печальтесь! Жизнь прекрасна!

Вместе с тем, нельзя не согласиться с мыслью Розанова о том, что слово творит мир, что каждое слово – это программа, слово обычного человека – программа его жизни, слово выдающегося человека, пророка, Богочеловека – программа жизни человечества. Возможно, эта мысль была навеяна древнеегипетской религией, которой увлекся Розанов и где особое место занимает магия слова. Хотя магия слова играет большую роль во всех религиях. Размышляя в этом русле об истории христианства, Розанов предполагает, что борьба с ересями, преследование еретиков и инакомыслящих, жестокие наказания и муки еретиков на протяжении всей истории христианства являются следствием пророчества Христа: «Я принес на землю меч разделения» (Мф. 10: 34–35). Так цитирует Евангелие от Матфея Розанов. Но в самом Евангелии мы читаем иное: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10: 34–37). Т. е. Христос имеет в виду не страдания людей, преследование еретиков и мучения их, а иерархию ценностной пирамиды человека, в которой высшее место должен занимать Бог и Богочеловек, а не люди, да-

же самые близкие. Хотя, повторяю, мысль Розанова об огромной роли слова и предсказания является важной и плодотворной как для исторического анализа социальных и религиозных процессов, так и для анализа жизни каждого человека.

Анализируя религиозные процессы, Розанов ставит очень глубокий вопрос: «Почему после распятия Христа начались религиозные гонения, которых *никогда* ранее не было?» Был религиозный изоляционизм, например в буддизме, но гонений за ереси, отступления от канонов церкви не было. Какова причина этого? Почему столько боли в христианстве и муки наказания постигают часто самых глубоко верующих людей? – вновь вопрошает Розанов. И отвечает: ибо, «где есть наказание, есть и боль» [3, с. 546]. Но это все предрекалось, говорит далее он. Зачем предрекалось? И тут Розанов, исходя из *своего* видения учения и жизни Христа, выдвигает интересную и заслуживающую, на мой взгляд, внимания гипотезу о трансцендентальном характере причин страдания и формирования религиозного и житейского повиновения, о вхождении этого повиновения в мировой план. «Тут что-то мировое, какой-то мировой план... страдание входит в какие-то планы мира», – говорит он [3, с. 549, 546].

Но прав ли Розанов, утверждающий, что до христианства гонений на инаковерцев не было? А иудаизм? Нельзя не согласиться с глубокой мыслью Э. Ренана, что иудео-христианство впитало в себя религиозную веронетерпимость иудаизма и что Иисус тут ни при чем. «Во имя Иисуса в течение веков будут подвергать пыткам и смерти мыслителей столь же благородных, как и он, – пишет Э. Ренан в своем исследовании “Жизнь Иисуса”. – И до сих пор в странах, называющих себя христианскими, религиозные проступки подвергаются карам. Иисус не может быть ответственным за подобные заблуждения. Он не мог предвидеть, что тот или другой народ с расстроенным воображением в один прекрасный день увидит в нем страшного Молоха, алчущего жареного мяса. Христианство страдало нетерпимостью; но нетерпимость не составляет его сущности. Это еврейское свойство, в том смысле, что иудаизм впервые создал теорию абсолютизма в вопросах веры и установил, чтобы каждый провинившийся в совращении народа из истинной религии, даже если в подтверждение своего учения он совершал бы чудеса, должен быть побит камнями, побит руками всего народа, без суда (Второзакон.13: 1 и сл.)» [4, с. 268].

При этом гипотеза Розанова о том, что океан боли в христианстве – следствие предреченного Христом какого-то космического замысла, имеет, на мой взгляд, глубокий смысл. Представляется, что это очень интересная гипотеза, нуждающаяся в глубоком осмыслении и исследовании. Что здесь: пред-начертание, план развития жизни на Земле? Какова цель *такого* плана? Почему *нужны* страдания и преследования? Может, в мире накопилось столько зла, что необходимо его очищение? А страдание и боль очищают душу. При этом, чем более грешная душа, тем сильнее страдания и, соответственно, боль от них. Совокупный же грех человечества порождает страдания всего человечества. Что касается моих мыслей по этому поводу, то тут имеют место два процесса:

1) процесс пансоциализации как формирование неукоснительного законопослушания; однако история показывает, что, будучи свободным по своей природе (великий дар Бога), человек *не может* без свободы жить и *в свое время* свобода прорывается наружу из самых жестких рамок в форме бунтов, революций (в том числе сексуальных), анархии;

2) процесс углубления духовности через боль и страдания, во время которых часто происходит трансформация психики, рост нравственности, очищение души и «прорыв» к Богу – встреча с ним в сердце.

Но разве встреча с Богом возможна лишь через страдание? Почему идеалом христианина является монах-аскет, ушедший из мира радостей и удовольствий? Потому, выдвигает еще одну гипотезу Розанов, что тот, кто постиг «сладость» Иисуса, уже не прельщается *никакими* мирскими «сладостями». Об этом замечательно писал Аврелий Августин в своей «Исповеди»: «Грешил же я в том, что искал наслаждения, высоты и истины не в Нем самом, а в созданиях Его: в себе и в других, и таким образом впадал в страдания, смуту и ошибки... Дай мне Тебя, Боже мой, верни мне Тебя: я люблю Тебя. Если мало, дай полюбить сильнее. Я не могу измерить и узнать, сколько не хватает мне до любви совершенной, когда я кинулся бы в объятия Твои, и не оторвался бы от Тебя, пока “не скрылся бы под покровом лица Твоего”. Знаю только, что плохо мне без Тебя – не только вовне, но и внутри себя, и нищета для меня всякое богатство, которое не есть Бог мой» [5, с. 73, 345]. И тогда страдания являются формой богослужения, «подобностью» страданиям Христа. И тогда смерть – «высшая скорбь и

высшая сладость» [6, с. 570], высшее «слияние» с Христом. Отсюда – культ распятия, по сути, культ смерти.

Нельзя не согласиться с большинством мыслей и наблюдений Розанова относительно христианства, более того, признать плодотворность его идей о программировании пророчествами действительности и наличии «плана мира» по поводу всего, происходящего в нем. Однако, обвиняя христианскую церковь в том, что «христианские учителя всегда как-то видят и видели часть Писания, а все его никогда, кажется, не принимали во внимание» [6, с. 566], сам Розанов выделяет в учении Христа лишь то, что выделяет в нем христианская церковь. То есть, по существу, отождествляет учение Христа и учение христианской церкви.

Да, христианская церковь интерпретирует учение Христа часто с «точностью до наоборот», или, говоря «устаи Христа», деяния совершает антихристовы, например католическую инквизицию, жестокие казни старообрядцев в православии и т.д. Представляется, что это ни плохо, ни хорошо, это естественно и вполне закономерно. Христос был духовным учителем, христианская церковь – духовно-социальный институт. Учитель учит, социальный институт руководит, направляет в строго заданное русло, карает неповинующихся. Учитель хочет научить своих учеников, социальный институт – держать в повиновении своих граждан, которые должны быть законопослушны и неукоснительно выполнять данные им социальные роли по разработанным институтом правилам. Социум и церковь – это механизмы, успешно функционирующие лишь при условии, что каждая «шестеренка» движется по предписанной ей траектории, иначе начнется разнотой и машина сломается. Поэтому сетования Розанова на то, что «на вековую жажду свободы церковь вековечно отвечала отказом» [3, с. 542] – это непонимание сущности церкви как социально-духовного института, как «механизма».

Что же касается оценки Розановым учения Христа, то он, повторяю, видит в нем то, что хочет увидеть в рамках *своей* концепции сущности христианства. Прежде всего, не могу согласиться с Розановым, что от *самого* Христа идет *программа* скорби, боли, страданий, мучений разного рода (самомученики и мученики, пострадавшие за веру Христову), что Христос не смеялся, не улыбался. На чем основано это утверждение Розанова? На скорбных лицах святых на иконах и молящихся (как правило, о себе!) в

храмах христиан? Но *сам* Христос любил жизнь во всех ее красках и призывал людей радоваться. Он не был аскетом, никогда не постился, за что его попрекали фарисеи не единожды. Но он, как подлинно духовный человек, как Богочеловек, видящий лицемерие постящихся, отвечал: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека» (Мф. 15: 11). Он видел в жизни брачный пир и не случайно называл себя женихом и, конечно, не случайно превращает воду в вино именно на брачном пиру. Тем самым он благословляет радость, благословляет брак. И в этом он – продолжатель иудейского сакрального отношения к браку и семье.

Далее. Розанов категорически заявляет, что «Он (Христос. – Н.Ш.) и не женился» [3, с. 543]. Да, христианская церковь не только отрицает брак Христа с Марией Магдалиной, но и рассматривает саму мысль о сексуальных, брачных отношениях Христа как крамолу, страшную ересь, тем самым «снимая» в христианстве Божье благословение с секса, забывая Божье «плодитесь и размножайтесь» (Бт. 1: 28). Поэтому-то высший аскетизм монахов, католических священников и высших церковных православных иерархов проявляется в безбрачии. То есть, согласно учению христианской церкви, если Христос жил *вне* брака, то и истинные служители Христа тоже должны жить подобно ему.

Но так ли это было в действительности? Ведь в апокрифическом гностическом Евангелии от Филиппа говорится: «(Господь любил Марию) более (всех) учеников, и он (часто) лобзал ее (уста)» (Фил. 55). Если принять во внимание духовную чистоту Иисуса, то «лобзать уста» он мог лишь одной женщине – своей жене. В своей Нагорной проповеди Христос учил: «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мт. 5: 28–29). Так то глаз, а уж лобзание уст...

В подтверждение гипотезы о браке Христа и Магдалины могут также служить неоднократные упоминания в Евангелиях Христа как «равви», раввина, религиозного учителя. Но по законам иудаизма раввином мог быть только женатый мужчина. Еврейский закон самым категоричным образом указывал на это: «Неженатый человек не может претендовать на обучение других». Кроме

того, в 2012 г. профессор Гарвардской школы богословия Карен Кинг обнаружила упоминание о жене Иисуса Христа на коптском папирусе, датированном IV в., о чем она рассказала в своем докладе на 10-м Международном конгрессе коптских исследований в Риме. В обнаруженном тексте Иисус защищает от критики некую женщину, которую он именует «моя жена» [7]. В статье, опубликованной в журнале «Harvard Theological Review», К. Кинг показывает, что та «жена», о которой говорит Иисус, может быть Марией Магдалиной, а Иисус, видимо, защищает ее от кого-то, возможно, от своих апостолов-мужчин [8].

Обращает на себя внимание тот факт, что во всех канонических Евангелиях из всех женщин, сопровождавших Христа в момент его казни, выделяется Мария Магдалина. Кто был рядом с Христом во время распятия? Две Марии: Мария Магдалина и Мария – мать Иакова и Иосии. Кто первым пришел проведать тело Христа после его распятия? – Мария Магдалина. Кому ангел поведал о воскресении Христа? – Марии Магдалине. Кто сразу же в это поверил? – Мария Магдалина. А ученики разве сразу поверили (вспомните неверие Фомы)? Кому ангел поручил нести весть о воскресении Христа? – Марии Магдалине. Ангелу виднее, кому поручить нести *такую* весть.

Неужели *такая* женщина была недостойна любви Христа? Достойна. И он ее любил и «часто лобзал ее уста» (Филип. 55). В «Pestis Sophia» («Мудрость веры» (греч.) – название коптской рукописи из Египта) прекрасной любвеобильной грешнице дается более чем прощение: «Великолепная Мария (Магдалина), ты блаженна, ты сама полнота, прославленная в поколениях». Но ведь эта информация извлечена из апокрифов и не признается церковью, возразите Вы. Не признается церковью, да. Но означает ли это, что она не соответствует действительности? Ведь подлинность апокрифов никто не отрицает.

И вообще, разве может быть Божественная Любовь грехом? Разве грех любить женщину и телом, и душой? Почему телесная любовь – это грех? Животное совокупление мужчины и женщины для удовольствия без любви – да, это похоть, грех, страшный грех, это некая разновидность некрофилии, согласна. Но истинная, духовно-душевно-телесная любовь разве грех? И почему у нас любовь между мужчиной и женщиной ассоциируется сугубо с телом, сексом? Может, причина этого в нашей расщепленности, ущерб-

ности, бездуховности, неумении любить по-человечески, то есть божественно, целостно, духовно-душевно-телесно?

Для чего пришел в этот мир Христос? Быть жертвой Богу за грехи людей или учителем? Учителем Божественной Любви, утраченной Евой и Адамом в результате их грехо-падения, грехо-отпадения от Бога-Любви, то есть отпадения от Любви истинной, Божественной, целостной, духовно-душевно-телесной. Одно из следствий этого греха – утрата человеком целостности, расщепление его на тело и душу, тело и дух, потеря телом духовности, что приводит к о-животниванию человека (что мы видим сегодня невооруженным взглядом).

В Евангелиях проводится мысль о Христе как втором Адаме. Так, в генеалогии Иисуса (Лк. 3:23–28) Христос – прямой потомок Адама. В Послании апостола Павла Римлянам говорится о Христе как втором Адаме и «образе будущего» (Рим. 5: 14). Неужели идеалом «образа будущего», по замыслу Бога, есть «распятие» человечества? Ведь в «идеальной» главе Библии, т.е. в главе 1 из книги «Бытие», в которой повествуется об идеальном, с точки зрения Бога, устройстве и образе жизни мира и человека, повествуется о том, что Бог создал мужчину и женщину и благословил их: «плодитесь и размножайтесь» (Бт. 1: 28). Таким образом, мужчина был создан не для аскетического образа жизни, а женщина – не для монастыря.

Так какова же миссия Мессии?

Наиболее распространенной версией является видение в Христе жертвы Богу, Агнца (ягненка жертвенного) Божьего. Этот взгляд на миссию Мессии поставлен во главу угла вероучения христианской церкви. Один из главных догматов христианского символа веры – догмат искупления, согласно которому Христос пришел в этот мир, чтобы своими страданиями и муками на кресте искупить грехи человеческие, и прежде всего первородный грех Евы и Адама. Церковь, в частности, опирается при этом на Евангелие от Иоанна, где говорится: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 16). Это напоминает жестокую финикийскую религию, где в жертву богу Молоху приносили детей. Да и вся эта концепция Христа как жертвы уж очень схожа с языческими жертвоприношениями. И вообще, «хороша» любовь: если вы замучаете насмерть моего сына, то я вам

прощу ваши грехи... Отсюда культ распятия, креста, страдания и... культ смерти. Христиане чтят великомучеников...

Но единственная и истинная ли это версия миссии Христа? Кем же был Христос: жертвой или духовным учителем? То, что он учитель, церковь не отрицает. Но для чего пришел этот учитель? Искупить грехи человеческие? Но как? В чем суть греха, в том числе первородного? Грех – это отход от Бога, отход от Божественной Любви. Смысл первородного греха – в эгоизме (и этого церковь не отрицает), ибо Ева поставила свое желание выше желания Бога и, стоя под деревом познания добра и зла, думала только о себе, о благах для себя: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание» (Бт. 3: 6). Эгоист – это тот, кто думает только о себе, но не умеет любить и не любит даже себя, ибо думать о себе и любить себя не одно и то же. Тогда Христос пришел, чтобы избавить нас от эгоизма и научить нас не «говорить о», «думать о» себе, любви, а любить.

Любить и радоваться жизни. «Радуйтесь и веселитесь», – призывает он людей в своей Нагорной проповеди (Мт. 5:12). Радуйтесь всегда и всему, будьте благодарны Богу за все, будьте великодушными! Любите Бога и каждое творение Божье. Такая любовь сильнее смерти, она побеждает смерть. Любовь – это культ жизни, культ воскресения как победы жизни над смертью, духа над телом, вечного над временным и сиюминутным. Помните прекрасные слова апостола Павла о любви? «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею великое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто... Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13: 2, 4–7).

А если это так, то может ли быть любовь Христа к Магдалине греховной? Может ли быть телесность святой? И здесь возникает вопрос: «Что такое святость?».

Традиционно святость ассоциируется с аскетизмом. Но святой – это не аскет. Аскет «привязан» к своему телу, он «занимается» умерщвлением плоти, тела. Святой свободен от зависимости от тела. Главное в святости не аскетизм, а божественный свет души

(отсюда и святой, светлый). И когда этот свет зажигается в душе, то он преображает и душу, и тело. На это всегда обращали внимание в исихазме (мистическом направлении православия), говоря, что в акте обожения (теозисе) происходит соединение нетварной природы Бога и тварной природы человека, что ведет к целостной трансформации человека. Обожение – это о-Боже-ние, т.е. возвращение человека к Богу, к себе первоначальному, к тому человеку в Боге и с Богом живущему, которым он был до грехо-падения.

И путь к Богу идет не через аскетизм и затворничество. Христос был против самоизоляции и богоцентризма аскетов, монахов. Поэтому я никак не могу принять точку зрения Розанова (более того, не понимаю, почему он *так* говорит), согласно которой «Евангелие вообще *не раздвигается для мира*, не принимает его в себя. Мир – за переплетом небесной книги» [6, с. 567]. Если это так, то как же понимать слова Христа: «Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мт. 5: 45)? То есть Христос призывает любить *всех*. «Братство между людьми в самом широком смысле этого слова проповедуется во всех его поучениях», – подчеркивает Э. Ренан, и я с ним полностью согласна [4, с. 174].

Почему Розанов выводит из учения христианской церкви учение Христа? Ведь любить *только* Христа и потерять вкус к окружающему миру [6, с. 569] – это идеал монаха-аскета, но *не Христа!* На каком основании Розанов делает вывод, что всякий подлинный христианин может сказать: «Я хожу, ем, сплю, вкушаю: но наслаждаюсь только Иисусом» [6, с. 561]? Всякий ли? И какой критерий подлинности в христианстве видит Розанов: отречение от мира? Но это уже не только «по Христу», но и «против Христа» и его учения. Иисус был распахнут миру, и сам Розанов в своей более ранней работе «Место христианства в истории» (1888) пишет об этом как о существеннейшей черте учения Христа.

Христос воскрес, он – «белый» (символ вечной жизни, чистоты и святости) и так любимый христианами монахами и священниками черный цвет (символ смерти, могилы, покаяния, плача о грехах), это уже квазихристианское видение Христа и его учения. Возможно, уже пора задуматься над тем, о чем говорит Розанов и, не зная еще этого, говорила я? Подумать, почему смерть и страдания стали идеалом христианства, почему поклоняются распятому,

а не воскресшему Иисусу и культивируют тем самым смерть? Прав Розанов, увидевший, что «одна из великих загадок мира заключается в том, что страдание идеальнее, эстетичнее счастья – грустнее, величественнее... Смерть – вот высшая скорбь и высшая сладость. Таинство смерти никто ведь не разгадал» [6, с. 570].

Таинство смерти². Таинство жизни. Таинство бытия и небытия. «Мы лобызаем покойников с большим благоговением, чем живых; – пишет Розанов, – мы немножко им поклоняемся – и какая красота у нас погребального обряда. Но какое же чувство под этим? Не утрата ли в самом ощущении нашем разграничительной между смертью и жизнью линии; не нахождение ли наше в области смерти как бы еще при жизни; и, как выразился бы Платон, – не то ли это значит, не то ли символизирует, что мы “приняли идею небытия в самое бытие свое”?» [9, с. 286].

Вопросы, вопросы, вопросы... Вопрос – это процесс, развитие, жизнь вопрошаемого, утверждение – это остановка, конец развития, смерть вопрошаемого. И ответы на вопросы: «Что есть христианство? Почему Христос пришел в этот мир?» – это ответы на вопросы: «Что есть Бог и человек? Что есть жизнь и смерть?» Возможно ли дать на эти вопросы исчерпывающие ответы? Думаю, нет. Надо ли над этим размышлять всю жизнь? Думаю, да...

Литература

1. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
3. Розанов В.В. Христос – судия мира // Розанов В.В. Религия и культура. Уединенное. Т. 1. М.: Правда, 1990.
4. Ренан Э. Жизнь Иисуса. М.: Вся Москва, 1990.
5. Августин А. Исповедь. М.: Ренессанс, 1991.
6. Розанов В.В. О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира // Розанов В.В. Религия и культура. Уединенное. Т. 1. М.: Правда, 1990.
7. Suggestion of a married Jesus // Harvard Gazette. September 18, 2012.
8. King Karen L. “Jesus said to them, ‘My wife...’”: A New Coptic Papyrus Fragment // Harvard Theological Review. 2014. No. 2 (107).
9. Розанов В.В. Нечто из седой древности // Розанов В.В. Религия и культура. Уединенное. Т. 1. М.: Правда, 1990.

² Таинство, т.е. мистерия – тайна перехода в мир иной, тайна смысла жизни и смерти как единого процесса, над которой размышляли древние египтяне в своей «Книге мертвых» и буддисты в «Бардо тхёдол» («Тибетской книге мертвых»).

Shelkovaya Natalya V. *Meetings with V. Rozanov. The essence of Christianity**References*

1. Nietzsche, F. Antihrist. Proklyatie hristianstvu [Antichrist. The curse of Christianity], in Nietzsche, F. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vol.], vol. 2. Moscow: Mysl', 1990.
2. Nietzsche, F. Tak govoril Zaratustra [So spoke Zarathustra], in Nietzsche, F. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vol.], vol. 2. Moscow: Mysl', 1990.
3. Rozanov, V.V. Hristos – sudiya mira [Christ is the Judge of the World], in Rozanov, V.V. *Religiya i kul'tura. Uedinennoe* [Religion and culture. The secluded], vol. 1, Moscow: Pravda, 1990.
4. Renan, E. *Zhizn' Iisusa* [The Life of Jesus], Moscow: Vsya Moskva, 1990.
5. Augustine, A. *Ispoved'* [Confession], Moscow: Renessans, 1991.
6. Rozanov, V.V. O sladchajshem Iisuse i gor'kih plodah mira [About the sweetest Jesus and the bitter fruits of the world], in Rozanov V.V. *Religiya i kul'tura. Uedinennoe* [Religion and culture. The secluded], vol. 1, Moscow: Pravda, 1990.
7. Suggestion of a married Jesus, in *Harvard Gazette*. September 18, 2012.
8. King, Karen L. “Jesus said to them, ‘My wife...’”: A New Coptic Papyrus Fragment, in *Harvard Theological Review*, 2014, no. 2 (107).
9. Rozanov, V.V. Nechto iz sedoj drevnosti, in Rozanov, V.V. *Religiya i kul'tura. Uedinennoe* [Religion and culture. The secluded], vol. 1, Moscow: Pravda, 1990.

DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.1.16>